

Отношение в коллективе и семье

А. А. Реан, М. А. Новикова

Буллинг в среде старшеклассников Российской Федерации: распространённость и влияние социоэкономических факторов

В статье описывается ход проведения пилотного исследования распространённости школьной травли (буллинга) в российских школах. Авторами был создан оригинальный опросник распространённости буллинга, в основу которого легло несколько англоязычных методик, обладающих высокими психометрическими показателями. В статье на основании ответов 890 старшеклассников (учащихся пяти федеральных округов Российской Федерации, средний возраст — 16 лет) приводятся данные о распространённости разных типов буллинга в российских школах; дается информация о том, что показатели вовлеченности в травлю в разных ролях положительно связаны между собой. Приводится информация о полученных гендерных различиях, а также о связи риска виктимизации с социальными и экономическими характеристиками семьи, ее составом и местом проживания.

Ключевые слова: буллинг, школьная травля, распространённость буллинга, кибербуллинг, социальная агрессия, социально-экономический статус семьи.

Школьная травля, или буллинг, — намеренное, повторяющееся проявление агрессии со стороны одного ученика (учеников) по отношению к другому, которому по каким-то причинам сложно защитить себя. Травля имела место в школьных коллективах на протяжении многих десятилетий, однако отношение школы и общества в целом к ней менялось. Долгое время буллинг расценивали как некое «неизбежное зло», через которое проходят почти все на определенном этапе взросления, и часто наделяли его функцией «закалки» учеников: справившись с травлей, жертва становится сильнее на всю жизнь. История исследования школьного буллинга включает в себя около 40 лет, и за это время было собрано достаточно много информации о природе, механизмах, предикторах и последствиях этого явления [19]. Благодаря результатам исследований сегодня стало абсолютно ясно, что школьная травля — это разрушительное явление, последствия которого часто бывают тяжелыми как для жертв, так и для всех других участников ситуации. Среди последствий травли — повышенная вероятность тревожных и депрессивных расстройств, неустойчивая самооценка, сложности социальных контактов, суицидальное поведение [19]. Продолжительная подверженность травле также является значимым фактором риска вооруженных нападений на школы. Таким образом, меры по профилактике и противодействию буллингу в школах являются крайне важными с точки зрения разных аспектов благополучия школьников. Для того чтобы эти меры были эффективными, необходимо четко понимать, какие именно типы травли и в какой степени распространены в нашей стране. Ответам на эти вопросы посвящена настоящая работа.

Буллинг — это не только диадическое взаимодействие, но и социальный феномен с хорошо известной ролевой структурой. С течением времени какие-то дети становятся «хроническими» жертвами, другие — агрессорами или жертвами-агрессорами, в то время как остальные выступают в роли свидетелей, которые могут активно или пассивно поддерживать агрессора, защищать жертву или же просто присутствовать, не совершая активных действий [10].

Согласно Риверс и Смиту [21], выделяются прямые и непрямые формы буллинга, в зависимости от того, носит ли конфронтация характер непосредственного взаимодействия (удары, порча чужих вещей, запираание в классе) или же опосредована участием других людей (которые, например, передают слухи или сплетни о жертве). В первое десятилетие XXI в. начались активные исследования еще одной формы травли — кибербуллинга. Он определяется как «агрессия, которая носит повторяющийся характер и осуществляется одним или несколькими индивидами при помощи электронных устройств по отношению к жертве, которой трудно защитить себя» [13. Р. 376].

Несмотря на то что оценки распространенности школьной травли очень сильно разнятся в зависимости от операционализации понятия и использованных методик измерения, на данный момент большинство работ указывают на то, что примерно 20—25 % молодых людей вовлечены в буллинг в качестве агрессоров, жертв или выступают в обеих ролях. В недавнем метаанализе распространенности буллинга и кибербуллинга в разных контекстах [11], суммарный объем охваченных выборок в котором составил 335 519 подростков (в возрасте от 12 до 18 лет), авторы дали оценку в 35 % случаях для лиц, которые вовлечены в традиционный буллинг (как в качестве булли, т. е. лица, инициирующего травлю, так и жертв), и в 15 % — для вовлеченных в кибербуллинг.

Ряд исследований был посвящен тому, влияют ли бедность или низкий социально-экономический статус на риск вовлеченности ребенка в ситуацию травли. В регионах с низким доходом подобных исследований проводилось гораздо меньше, чем в Европе и США. В Латинской Америке показатели очень высоки (40—50 % подростков в Перу и Колумбии сообщают, что нападают на других детей). В недавнем исследовании того, как много детей подвергается школьной травле, проведенном в Перу на выборке из 12 000 школьников, была показана определенная возрастная динамика: в возрасте 8 лет травле подвергаются более 45 % опрошенных детей, в 12 — около 30 %, к 15 годам этот показатель падает до 22 % [22]. Два исследования из Никарагуа отражают распространенность буллинга на уровне 35 % школьников в средней школе, из которых 12,4 % — жертвы, 10,9 % — булли, 11,7 % — булли-жертвы [17].

Метаанализ 28 эмпирических исследований показал наличие значимой связи между низким социально-экономическим статусом и участием в травле в роли жертвы или жертвы-агрессора [21]. Также данными авторами было показано, что и у жертв, и у агрессоров ниже вероятность происхождения из семей с высоким уровнем дохода. Многоуровневое исследование в 35 странах подтвердило, что низкий уровень доходов в семье положительно связан с повышенным риском виктимизации [20]. Отдельным фактором риска является экономическое неравенство и расслоение как в рамках отдельно взятых школ, так и в сообществе в целом. Тот факт, что в низкорейтинговых школах буллингу значительно больше подвергаются именно дети из социально-благополучных семей, был показан в недавнем исследовании, участниками которого стали более 23 тыс. учащихся младших классов [12]. Приведенные результаты хорошо согласуются и с данными, полученными на масштабных выборках отече-

ственных школ: школы, работающие в сложных социальных контекстах с проблемным контингентом учащихся, демонстрируют значимо худшие образовательные достижения [9] и, весьма вероятно, более низкие показатели общешкольного климата, который также является фактором риска для психологического благополучия учащихся.

Современные отечественные исследования позволяют нам реконструировать картину, согласно которой:

- в российских школах травля имеет широкую представленность: по данным PISA (2015), 27 % школьников сталкиваются с буллингом на регулярной основе, а 9 % из них — часто;
- наиболее часто травля встречается в средней школе, по мере взросления школьников она снижается. В 6-м классе жертвами буллинга выступают 15,7 % учащихся, в 7—8-х классах — 12,3 %, в 9—10-х — только 6 % [7]. В другой работе было продемонстрировано, что наиболее типичный возраст жертвы (вне зависимости от пола) — 13—14 лет, однако уровень травли среди девочек по мере взросления начинает снижаться, среди мальчиков же остается высоким до 16 лет [3]. Учащиеся младшей школы (8—10 лет) в подавляющем большинстве умеют пользоваться основными приемами травли, хотя 40 % пользуются ими редко (в то же время 13 % — активно) [1];
- в зависимости от того, идет ли речь о сельской или городской школе, преобладают те или иные формы травли. И в городе, и в сельской местности дети чаще всего прибегают к вербальным способам выражения агрессии, самый распространенный вариант которой — оскорбления, притом частота встречаемости вербального буллинга почти в полтора раза выше в городе; физическая агрессия более характерна для школ мегаполиса, равно как и прямые формы травли; в сельской местности же школьники чаще прибегают к травле косвенной [2];
- показано влияние социально-стратификационных факторов (образование и материальный статус семьи) на социальное самочувствие подростка в классе. Дети, родители которых имеют только среднее образование, регулярно подвергаются различным видам физического и психического насилия; значимо чаще, чем те, родители которых имеют высшее образование. Дети из высокообеспеченных семей отмечают, что не сталкивались ни с одним из видов насилия в школе почти в половине случаев, в то время как среди малообеспеченных детей ни разу не столкнувшихся с травлей на 15 % меньше [8].

Задачи исследования: первой задачей была оценка распространенности разных типов буллинга (социальная агрессия, вербальный, физический буллинг, кибербуллинг) в старших классах школ. Также необходимо было дать оценку буллингу в российских школах с точки зрения ролевой структуры, а именно: ответить на вопрос о том, как часто подростки оказываются в позиции жертвы, агрессора или свидетеля. Наконец, предполагалось рассмотрение семейных особенностей, характеристик школы, индивидуально-психологических характеристик в качестве факторов, которые могут быть связанными с вероятностью вовлечения подростка в травлю в школе.

Выборка: в исследовании приняли участие 890 учеников 9—10-х классов (средний возраст — 16 лет, 54 % девочек) из 5 федеральных округов: Центрального, Северо-Западного, Приволжского, Уральского и Сибирского.

Из числа опрошенных 76 % процентов проживают вместе с обоими родителями, 17 % — только с матерями, 70 % — не единственные дети в семье; 70 % учатся в школе с 1-го класса и почти столько же из респондентов не переходили из класса в класс во время учебы; 3 % подростков родились в другой стране, у матери русский язык является неродным в 4 % случаев.

Методика: исходя из поставленных задач нами была разработана онлайн-анкета. В ее основу легли англоязычные методики оценки буллинга с высокими показателями психометрических свойств: Adolescent Peer Relation Instrument [18], Social Bullying Involvement Scales [14], Cyberbullying and Online Aggression Survey [15]. На основании данных пунктов анкеты оценивалась ролевая принадлежность ребенка в ситуации травли (оказывается ли он жертвой, буллы, свидетелем), а также тип буллинга: физический, вербальный, социальная агрессия, кибербуллинг. Каждый из четырех типов буллинга оценивался при помощи шести вопросов, а получившийся набор из 24 вопросов предъявлялся испытуемому трижды с разными инструкциями:

- а) «Вспомните, пожалуйста, СЛУЧАЛОСЬ ЛИ С ВАМИ такое за последний месяц в школе (не считая каникул)?» — оценка вовлеченности в травлю в роли жертвы;
- б) «Вспомните, пожалуйста, случилось ли Вам ДЕЛАТЬ что-то такое за последний месяц в школе (не считая каникул)?» — оценка вовлеченности в травлю в роли агрессора;
- в) «Вспомните, пожалуйста, случилось ли Вам за последний месяц в школе (не считая каникул) ВИДЕТЬ или СЛЫШАТЬ, как...» — оценка вовлеченности в травлю в роли свидетеля.

Зарубежные авторы отмечают важность включения в опросник определения понятия буллинг, для того чтобы у испытуемых сложилось более четкое и однозначное понимание, о каком именно круге явлений идет речь [23]. Важно, чтобы это определение включало в себя основные параметры травли: дисбаланс сил, повторяемость, возможность осуществления травли группой лиц. Сформулированное нами определение было основано на классической инструкции из опросника Д. Олвеуса [16] (см. прил. 1).

Также в анкету вошли вопросы, отражающие социально-демографические характеристики ребенка, состав семьи, миграционный статус семьи, уровень образования и занятости родителей, уровень доходов семьи.

В анкете присутствовали вопросы, связанные с характеристиками школы, где учится ребенок: составом класса, успеваемостью по русскому, математике, физкультуре, а также вопросы о школьном климате: эмоциональной деловой доступности учителей, соблюдении внутришкольных правил и дисциплины, отношении ученик — учитель и учитель — учитель, безопасности в школе. Для оценки школьного климата был использован ряд вопросов из англоязычной методики New Jersey School Climate Survey (NJSCS) (2012).

Отдельный блок вопросов касался предпочтений детей в проведении свободного времени, особенностей их активности в Интернете и социальных сетях, а также посещения дополнительных занятий.

Результаты

I. Для оценки **психометрических свойств** разработанного авторами опросника «Распространенность школьной травли в старших классах школы» была проведена процедура эксплораторного факторного анализа. О правомерности ее проведения свидетельствуют значение коэффициентов Кайзера — Мейера — Олкина (0,96) и значимость коэффициента сферичности Бартлетта (50390,68, $df = 2556$, $p < 0,01$). В результате была получена факторная структура, в которую входит 9 факторов с собственными значениями, превышающими единицу. Анализ факторных нагрузок и графика осыпи показал, что в данном случае уместен переход к трехфакторной структуре. Выделенные три фактора в сумме объяснили 50 % дисперсии:

- а) фактор «Подверженность травле (виктимизация)», α -Кронбаха = 0,94;
- б) фактор «Склонность к инициированию травли», α -Кронбаха = 0,95;
- в) фактор «Участие в травле в роли свидетеля», α -Кронбаха = 0,96.

Эксплораторный факторный анализ также показал правомерность выделения субшкал «Социальной агрессии», «Физического буллинга», «Вербального буллинга» и «Кибербуллинга» в рамках шкал «Виктимизация» (4 фактора объясняют в сумме 55 % дисперсии, α -Кронбаха = 0,86, 0,89, 0,86 и 0,87 соответственно) и «Участие в травле в роли свидетеля» (4 фактора объясняют в сумме 68 % дисперсии, α -Кронбаха = 0,90, 0,92, 0,93, 0,92 соответственно). В рамках фактора «Склонность к инициированию травли» выделяется трехфакторная структура, в которой пункты «Вербального буллинга» и «Кибербуллинга» входят в единую субшкалу (наряду с выделением шкал «Социальной агрессии», «Физического буллинга»), α -Кронбаха = 0,91, 0,92, 0,92 соответственно.

II. Распространенность разных типов буллинга

1. Ролевая структура травли

Ни разу не оказывались жертвами социальной агрессии за прошедший месяц учебы 55,6 % опрошенных; 1—2 раза столкнулись с ней 36,5 %, более 3 раз — 7,9 %. С физической агрессией в свой адрес ни разу не столкнулось 62,5 % респондентов, 1—2 раза — 31,4 %, более 3 раз — 6,1 %. Жертвами вербального буллинга 1—2 раза в прошедший месяц оказались 44,5 % старшеклассников, ни разу не столкнулись с ним 45,1 %, столкнулись более 3 раз — 10,4 %. Ни разу не столкнулись с травлей в киберпространстве 70,2 % респондентов, 1—2 раза — 26,2 %, более трех раз — 3,6 % старшеклассников (рис. 1).

Ни разу не инициировали социальную агрессию 60 % опрошенных, 1—2 раза — 35,7 %, более 3 раз — менее 4,3 %. Физические нападения ни разу не совершали за прошедший месяц 75,2 %, 20 % занимались физической травлей 1—2 раза, более 3 раз — 4,8 %. Ни разу не инициировали вербальную травлю 57 % старшеклассников, 1—2 раза за месяц это делали 35,4 %, более 3 раз — 7,6 %. Ни разу не травили одноклассников в Интернете за прошедший месяц 69,3 % респондентов, 1—2 раза — 26,8 %, более 3 раз — 3,9 % (рис. 2).

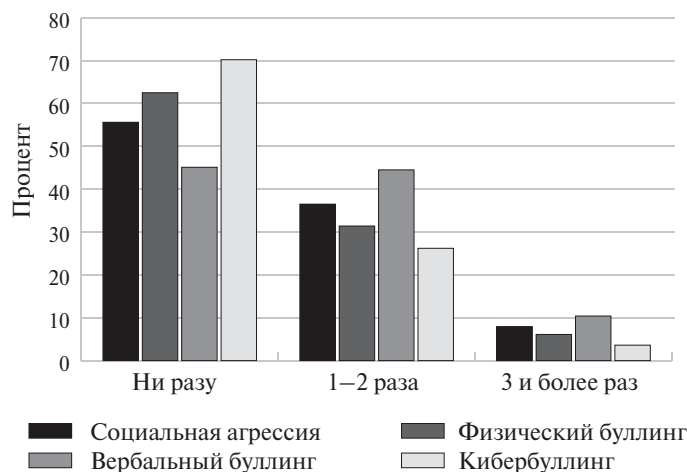

Рис. 1. Частота, с которой респонденты становились жертвой буллинга (за прошедший месяц учебного года)

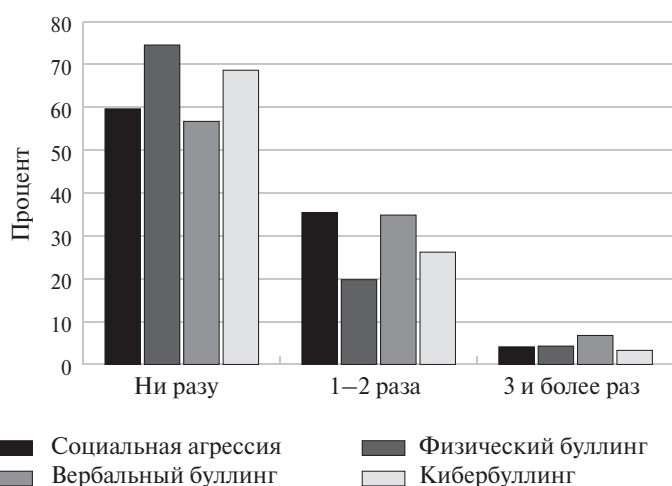

Рис. 2. Частота, с которой респонденты были инициаторами травли (за прошедший месяц учебного года)

Ни разу не были свидетелями того, как кто-то подвергается социальной агрессии за прошедший месяц учебного года 50,7 % опрошенных, 38,5 % были свидетелями 1–2 раза, более 3 раз очевидцами травли были 10,8 %. 56,4 % ни разу не были свидетелями физической травли, 31,4 % старшеклассников были свидетелями 1–2 раза, более 3 раз — 12,2 %. Менее половины опрошенных ни разу не были свидетелями вербальной травли (44,8 %), 1–2 раза — 34,2, более 3 раз — 21 %. Ни разу не видели, чтобы кого-то травили в Сети, 60,4 %, 31,2 % были свидетелями кибербуллинга 1–2 раза за прошедший месяц, более 3 раз наблюдали онлайн-агрессию 8,4 % (рис. 3).

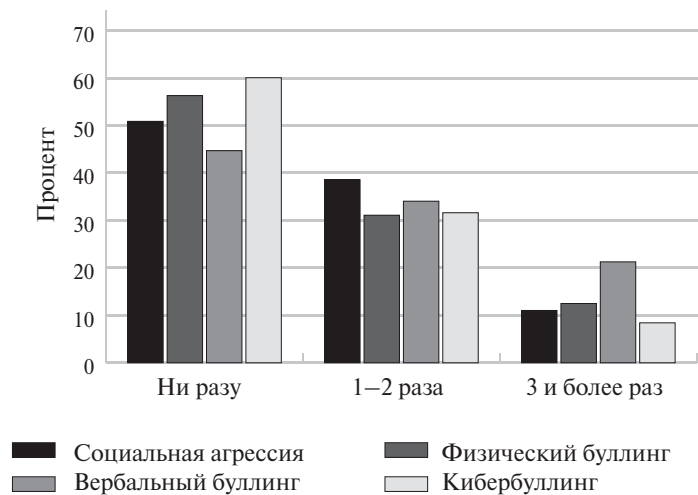

Рис. 3. Частота, с которой респонденты были свидетелями травли (за прошедший месяц учебного года)

2. Взаимосвязь вовлеченности в ситуацию травли в роли жертвы, агрессора, свидетеля

Согласно полученным результатам наблюдаются значимые положительные корреляции между разными позициями включенности в травлю: ρ Спирмена = 0,55, $p < 0,01$ — для связи позиции жертвы и агрессора, ρ Спирмена = 0,45, $p < 0,01$ — для связи позиций жертвы и свидетеля, ρ Спирмена = 0,54, $p < 0,01$ — для связи позиций свидетеля и агрессора. Таким образом, можно сделать вывод о том, что большая часть респондентов оказывается в ситуации буллинга последовательно (а, возможно, и одновременно) в разных ролях, т. е. ученик, будучи жертвой травли, в другой момент сам становится агрессором, при этом часто являясь свидетелем нападений на других.

3. Гендерные различия в вовлеченности в разные типы буллинга

Юноши значимо чаще выступают как жертвами физического буллинга ($U = 88287$, $p < 0,05$), так и агрессорами в ситуации физической травли ($U = 88072$, $p < 0,05$). Девушки при этом значимо чаще выступают свидетелями социальной агрессии ($U = 85193$, $p < 0,05$), вербальной ($U = 84220$, $p < 0,05$) и киберагрессии ($U = 92649$, $p < 0,10$).

4. Связь вовлеченности в школьную травлю с социально-экономическими характеристиками семьи, ее составом, местом проживания

Общий уровень виктимизации значимо связан с уровнем достатка семьи: значимо чаще подвергаются нападениям со стороны сверстников подростки из наименее обеспеченных семей (на вопрос в анкете: «Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи?» — выбрана альтернатива: «На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности») (Хи-квадрат = 18,24, $p < 0,05$). При этом значимо чаще такие подростки подвергаются социальной агрессии, вербальной травле и киберагрессии (Хи-квадрат = 21,44, $p < 0,05$, Хи-квадрат = 13,77, $p < 0,05$ и Хи-квадрат = 9,04, $p < 0,05$ соответственно) (рис. 4).

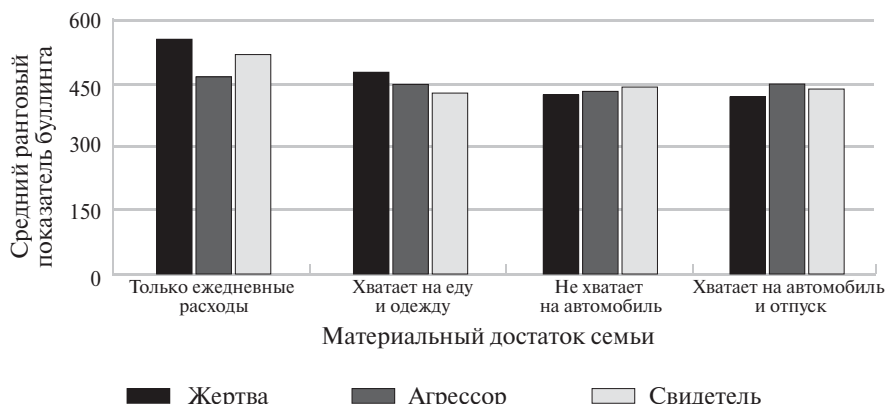

Рис. 4. Связь материального достатка семьи с вовлеченностью ребенка в школьную травлю

Общий уровень виктимизации значимо связан с фактом наличия у родителей ребенка постоянной работы: значимо чаще становятся жертвами травли дети из семей, в которых работает только мать либо же не работают оба родителя (Хи-квадрат = 16,33, $p < 0,05$). Чаще всего такие подростки становятся жертвами социальной агрессии и вербального буллинга (Хи-квадрат = 11,80, $p < 0,05$ и Хи-квадрат = 19,08, $p < 0,05$ соответственно). Отметим, что семьи, в которых работает только мать, согласно нашим результатам, это не семьи, в составе которых отец отсутствует (рис. 5).

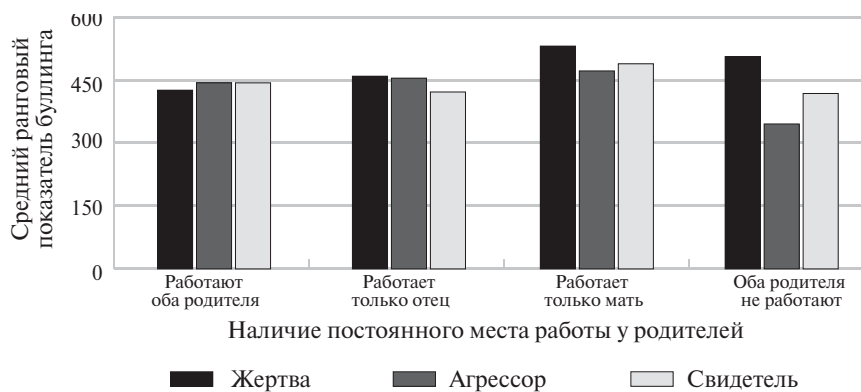

Рис. 5. Связь наличия у родителей постоянного места работы и вовлеченности ребенка в школьную травлю

Не было выявлено значимой связи степени включенности детей в школьную травлю с наличием высшего образования у родителей. Также нами проверялась гипотеза о связи вовлеченности в травлю ребенка с миграционным статусом семьи: в анкете присутствовали вопросы о том, родился ли ребенок в этой стране, или же семья переезжала, а также о том, является ли русский родным языком матери. Стоит отметить, что в рамках всей выборки только 33 респондента ответили, что родной язык матери не русский, и только 37, что семья переехала из другого государства, что составляет менее 5 % опрошенных. Таким образом, несмотря на то что по критерию Манна — Уитни разли-

чие в уровне виктимизации является значимым, при уравнивании выборок, т. е. при сравнении 33 детей-мигрантов с 33 случайным образом отобранными респондентами из числа немигрантов, это различие становится незначимым.

Распространенность травли в школах различается в зависимости от величины населенного пункта, при этом значимые различия наблюдаются в отношении как жертв травли, так и агрессоров и свидетелей (Хи-квадрат = 6,71, $p < 0,05$, Хи-квадрат = 6,28, $p < 0,05$ и Хи-квадрат = 8,80, $p < 0,05$ соответственно). Жертв травли, а также агрессоров больше в городах с населением менее 500 тыс. чел., а также в городах-миллионниках. Наибольшее число свидетелей травли также проживают в городах-миллионниках (рис. 6).

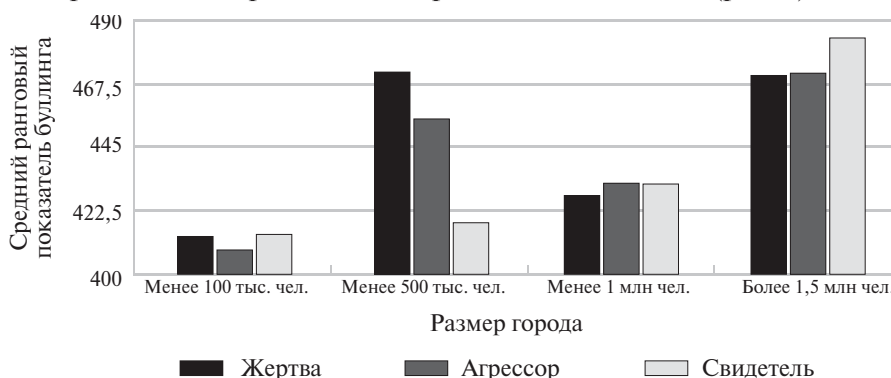

Рис. 6. Связь распространенности школьной травли с величиной населенного пункта

Состав семьи, с которой проживает ребенок, а также порядок его рождения (в случае наличия братьев и сестер) не влияют на его включенность в ситуации травли. При этом значимым фактором оказывается само наличие сиблингов: дети, которые не являются единственными, чаще оказываются вовлеченными в травлю в роли агрессора или свидетеля (Хи-квадрат = 3,37, $p < 0,10$ и Хи-квадрат = 6,11, $p < 0,10$ соответственно). Это заставляет нас выдвинуть гипотезу о возможности более высокого уровня социально-экономического статуса у семей с одним ребенком, что снижает риск травли (рис. 7).

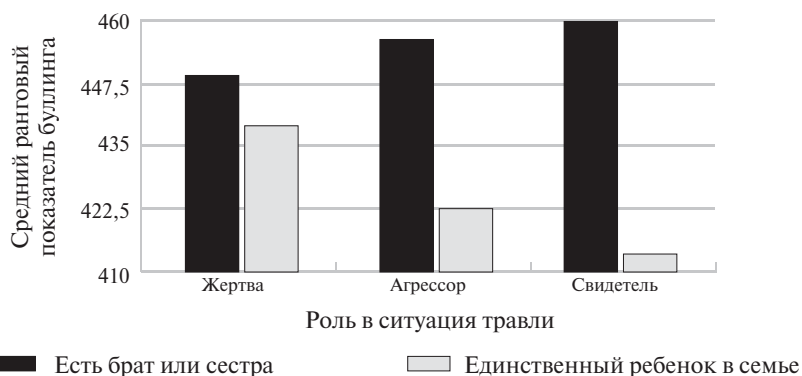

Рис. 7. Связь вовлеченности в школьную травлю с наличием у ребенка сиблингов

Обсуждение результатов

Настоящая статья посвящена обсуждению лишь одной части из большого массива данных, полученных в ходе масштабного исследования выборки старшекласников, проводившегося в 5 федеральных округах Российской Федерации. В ней обсуждаются распространенность разных типов школьной травли, ее ролевая структура, а также влияние социально-экономических характеристик семьи, ее состава и места проживания на вероятность того, что ребенок окажется вовлеченным в буллинг.

Согласно полученным нами данным от трети до половины опрошенных старшекласников хотя бы один раз за прошедший месяц учебного года оказались в ситуации травли. Чаще всего подростки выступают свидетелями травли, незначительно реже — ее жертвами или агрессорами. Наиболее распространенными формами травли в российских школах являются вербальная и социальная агрессия: показывание неприличных жестов, грубые и обидные комментарии, демонстрация однокласснику, что компания не желает с ним (с ней) общаться. Более низкие показатели физической агрессии, вероятно, связаны с возрастными характеристиками выборки: согласно многочисленным исследованиям по мере перехода в старшую школу этот тип травли обычно практически сходит на нет. Отметим, что обычно говорится об общем снижении агрессии и буллинга в старших классах, однако, согласно полученным нами результатам в 9—10-х классах в российских школах они по-прежнему достаточно распространены, из чего можно выдвинуть гипотезу о том, что в средней школе уровень буллинга может оказаться еще выше. Интересным представляется также тот факт, что кибербуллинг среди всех типов травли оказался наименее представленным. Размер населенного пункта в данном случае роли не играл: подростки из мегаполиса не оказывались вовлеченными в кибертравлю в роли жертв или булли чаще, чем школьники из более мелких городов. Эти результаты выглядят до определенной степени противоречащими данным других современных исследований, отражающих крайне масштабный размах и распространенность травли в Сети в современной России. Но, с другой стороны, согласуются с данными международных исследований, из которых следует меньшая распространенность кибербуллинга в сравнении с другими формами травли [24].

Показатели вовлеченности в травлю в разных ролях оказались сильно взаимосвязанными, что говорит о том, что один и тот же подросток в разные моменты может выступать и жертвой, и агрессором, и свидетелем буллинга. Именно об этом говорится в теориях, согласно которым дети и подростки становятся булли для того, чтобы повысить свой социальный статус. Разные типы виктимизации, равно как и разные типы инициируемой травли, также имеют высокие корреляции, из чего мы можем сделать вывод о том, что в вопросах травли нет места «специализации» и все средства «хороши».

Юноши чаще затевают физические нападения на сверстников и чаще сами оказываются их жертвами. В криминологии и юридической психологии часто обращают внимание на тот факт, что среди ситуаций, в которых поведение жертвы играет решающую роль в возникновении преступления, первое место по криминологической значимости принадлежит тем ситуациям, где потерпевший нападает на того, кто причиняет вред [5; 6]. Жертвы именно в таких ситуациях составляют 16,7 % от общего их количества [6]. Когда юношам задают вопрос о том, почему они решили ввязаться в драку, чаще других

они называют следующие мотивы: «Оскорбили меня» — 70 %, «Вынужден был обороняться» — 50 %, «Оскорбили моего друга» — 40 % [4]. Любопытно то, что девушки чаще, чем юноши, оказываются свидетелями всех видов травли, кроме физической. С учетом того что показатели виктимизации для разных полов не различаются, нельзя говорить о том, что девушки чаще становятся свидетелями травли потому, что больше общаются внутри женского коллектива. Скорее речь идет о том, что психологические особенности девушек делают их более чувствительными к происходящим вокруг ситуациям конфликтов и насилия. Потенциально эта выявленная особенность может использоваться при конструировании различных интервенций в рамках программ борьбы со школьной травлей, в которых большое внимание уделяется именно свидетелям.

В плане состава семьи не играет роли, с кем именно из родственников живет подросток, а также каким он является по порядку рождения в семье. При этом наличие брата или сестры (неважно, старшего или младшего) значимо повышает вероятность того, что он или она окажется вовлеченным в школьную травлю как буллы или свидетель. Потенциальное объяснение может быть связано с использованием неоптимальных родительских стратегий, вследствие чего ребенок испытывает недостаток внимания и/или начинает конкурировать с сиблингом и в случае неудачи пытается самореализоваться в роли агрессора в школе. Важно, что испытуемыми в данном исследовании были подростки, а подростковый возраст традиционно ассоциируют со снижением потребности в родительском внимании.

Наконец, говоря о социальных коррелятах риска виктимизации, мы делаем вывод о том, что чаще других подвергаются травле подростки из семей с самым низким уровнем доходов, семей, где работает только мать, а также проживающих в мегаполисах. Можно предположить, что низкий социальный статус семьи подростка более «ярко» выделяется на общем фоне именно в крупных городах, где средний уровень доходов выше, чем в городах небольших, и это делает подростка потенциальной жертвой. Таким образом, мы видим, как бедность и социальное неравенство вносят существенный вклад в психологическое неблагополучие старшеклассника и в актуализацию распространения буллинга.

Заключение

Настоящее исследование показало, что различные формы травли имеют высокую распространенность среди российских старшеклассников, а на вовлеченность в травлю влияют в том числе социальные факторы. Полученная картина не оставляет сомнений в том, что в Российской Федерации необходимо введение комплексных программ профилактики агрессии, насилия, травли в школах, которые включали бы в себя работу со всеми представителями школьного сообщества — учениками, их родителями, учителями и психологами, школьной администрацией. Хороший школьный климат и безопасность — важнейшие факторы как эмоционального благополучия, так и интеллектуального развития учеников.

The pilot study on prevalence of school bullying among high-school children in Russia is presented in the paper given. The authors of the study have constructed the bullying questionnaire basing on several English language inventories of bullying assessment, possessing high psychometric indices. The results were acquired basing on the answers of 890 high school students (living in 5 Federal

Districts in Russia, mean age — 16 years old) and contain data on prevalence of different types of bullying and their interaction, gender differences and socio-economic factors of victimization.

Keywords: school bullying, bullying prevalence, cyberbullying, social aggression, socio-economic family status.

Литература

1. *Бутовская, М. Л.* Буллинг как социокультурный феномен и его связь с чертами личности у младших школьников / М. Л. Бутовская, Е. Л. Луценко, К. Е. Ткачук // Этнографическое обозрение. — 2012. — № 5. — С. 139—150.
2. *Бутовская, М. Л.* Bulling kak sociokul'turnyj fenomen i ego svjaz' s chertami lichnosti u mladshih shkol'nikov / М. Л. Butovskaja, E. L. Lucenko, K. E. Tkachuk // Jetnograficheskoe obozrenie. — 2012. — № 5. — S. 139—150.
3. *Бутовская, М. Л.* Буллинг и буллеры в современной российской школе / М. Л. Бутовская, Г. С. Русакова // Этнографическое обозрение. — 2016. — № 2. — С. 99—115.
4. *Бутовская, М. Л.* Bulling i bullery v sovremennoj rossijskoj shkole / М. Л. Butovskaja, G. S. Rusakova // Jetnograficheskoe obozrenie. — 2016. — № 2. — S. 99—115.
5. *Вишневецкая, В. И.* Феномен школьной травли: агрессоры и жертвы в российской школе / В. И. Вишневецкая, М. Л. Бутовская // Этнографическое обозрение. — 2010. — № 2. — С. 55—68.
6. *Вишневецкая, В. И.* Fenomen shkol'noj travli: agressory i zhertvy v rossijskoj shkole / V. I. Vishnevskaja, M. L. Butovskaja // Jetnograficheskoe obozrenie. — 2010. — № 2. — S. 55—68.
7. *Подорожник, В. С.* Подорожник: нормы, риски, девиации / В. С. Собкин [и др.]. — М., 2005.
8. *Подорожник, В. С.* Podrostok: normy, riski, deviacii / V. S. Sobkin [i dr.]. — M., 2005.
9. *Реан, А. А.* Семья как фактор профилактики и риска виктимного поведения / А. А. Реан // Нац. психол. журн. — 2015. — № 1. — С. 3—8.
10. *Реан, А. А.* Sem'ja kak faktor profilaktiki i riska viktirnogo povedenija / A. A. Rean // Nac. psihol. zhurn. — 2015. — № 1. — S. 3—8.
11. *Ривман, Д. В.* Криминальная виктимология / Д. В. Ривман. — СПб., 2002.
12. *Ривман, Д. В.* Kriminal'naja viktinologija / D. V. Rivman. — SPb., 2002.
13. *Сафронова, М. В.* Буллинг в образовательной среде — мифы и реальность / М. В. Сафронова // Мир науки, культуры, образования. — 2014. — № 3. — С. 182—185.
14. *Сафронова, М. В.* Bulling v obrazovatel'noj srede — mify i real'nost' / M. V. Safronova // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. — 2014. — № 3. — S. 182—185.
15. *Собкин, В. С.* Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста : (по материалам кросскультурного исследования) / В. С. Собкин, М. М. Смылова // Социальная психология и общество. — 2014. — № 2. — С. 71—86.
16. *Собкин, В. С.* Bulling v stenah shkoly: vlijanie sociokul'turnogo konteksta : (po materialam krosskul'turnogo issledovanija) / V. S. Sobkin, M. M. Smyslova // Social'naja psihologija i obshhestvo. — 2014. — № 2. — S. 71—86.
17. *Фруммин, И. Д.* Социально-экономическое и территориальное неравенство учеников и школ / И. Д. Фруммин, М. А. Пинская, С. Г. Косарецкий // Нар. образование. — 2012. — № 1. — С. 17—24.
18. *Фруммин, И. Д.* Social'no-jekonomicheskoe i territorial'noe neravenstvo uchenikov i shkol' / I. D. Frumin, M. A. Pinskaja, S. G. Kosareckij // Nar. obrazovanie. — 2012. — № 1. — S. 17—24.
19. *Bullyng as a group process : Participant roles and their relations to social status within the group / C. Salmivalli [et al.] // Aggressive Behavior. — 1996. — Vol. 22. — P. 1—15.*
20. *Bullyng prevalence across contexts : A meta-analysis measuring cyber and traditional bullyng / K. L. Modecki [et al.] // J. of Adolescent Health. — 2014. — Vol. 55. — P. 602—611.*
21. *Child-and school-level predictors of children's bullyng behavior : A multilevel analysis in 648 primary schools / E. Fink [et al.] // J. of Educational Psychology. — 2018. — Vol. 110, № 1. — P. 17.*
22. *Cyberbullyng : Its nature and impact in secondary school pupils / P. K. Smith [et al.] // J. of Child Psychology and Psychiatry. — 2008. — Vol. 49. — P. 376—385.*
23. *Fitzpatrick, S.* The development of the social bullyng involvement scales / S. Fitzpatrick, K. Bussey // Aggressive Behavior. — 2011. — Vol. 37, № 2. — P. 177—192.
24. *Hinduja, S.* Bullyng beyond the schoolyard : Preventing and responding to cyberbullyng / S. Hinduja, J. W. Patchin. — 2nd ed. — Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2015.
25. *Olweus, D.* Annotation-Bullyng at school-Basic facts and effects of a school-based intervention program / D. Olweus // J. of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines. — 1994. — Vol. 35, № 7. — P. 1171—1190.
26. *Ortega Ruiz, R.* Bullyng en los países pobres: prevalencia y coexistencia con otras formas de violencia / R. Ortega Ruiz, R. D. Rey Alamillo // International Journal of Psychology and Psychological Therapy. — 2008. — Vol. 8, № 1. — P. 39—50.

18. Parada, R. H. Adolescent Peer Relations Instrument : A theoretical and empirical basis for the measurement of participant roles in bullying and victimization of adolescence : An interim test manual and a research monograph : A test manual / R. H. Parada. — Penrith South, DC, Australia, 2000.
19. School bullying in different countries: prevalence, risk factors, and short-term outcomes / I. Zych [et al.] // Protecting children against bullying and its consequences. — Springer, Cham., 2017. — P. 5—22.
20. Socioeconomic inequality in exposure to bullying during adolescence: a comparative, cross-sectional, multilevel study in 35 countries / P. Due [et al.] // American Journal of Public Health. — 2009. — Vol. 99, № 5. — P. 907—914.
21. Tippett, N. Aggression between siblings : Associations with the home environment and peer bullying / N. Tippett, D. Wolke // Aggressive Behavior. — 2015. — Vol. 41. — P. 14—24.
22. Victimization among Peruvian adolescents: Insights into mental/emotional health from the Young Lives study / C. E. Lister [et al.] // J. of School Health. — 2015. — Vol. 85, № 7. — P. 433—440.
23. Volk, A. A. So you want to study bullying? Recommendations to enhance the validity, transparency, and compatibility of bullying research / A. A. Volk, R. Veenstra, D. L. Espelage // Aggression and Violent Behavior. — 2017. — Vol. 36. — P. 34—43.
24. Zych, I. Systematic review of theoretical studies on bullying and cyberbullying : Facts, knowledge, prevention, and intervention / I. Zych, R. Ortega Ruiz, R. Del Rey // Aggression and Violent Behavior. — 2015. — Vol. 23. — P. 1—21.

М. В. Ермолаева, Д. В. Лубовский

Близкий круг отношений пожилых людей

В статье проанализирована система отношений пожилого человека с его ближним окружением как система потенциальных ресурсов сохранения себя как личности в пожилом возрасте и старости. Опираясь на принципы субъектного подхода, авторы показывают, что ресурсами сохранения себя как личности для пожилых людей могут стать давняя дружба, общение, творческое отношение к выполнению повседневных обязанностей, супружеские отношения, участие в воспитании внуков и в жизни семьи в целом. Для каждого из ресурсов сохранения себя как личности рассмотрены как благоприятствующие обстоятельства, так и факторы риска. Особое значение авторы придают смыслопорождающему общению пожилых людей с внуками. Подчеркивается необходимость выстраивания теплых, открытых и доверительных отношений со своим семейным окружением в зрелости для создания внутрисемейных ресурсов сохранения себя как личности в старости.

Ключевые слова: пожилые люди, ресурсы сохранения себя как личности, ближнее окружение, прапрадители, родители, дети.

В системе отношений человека особое место занимают отношения пожилых людей, попадающих объективно в принципиально новую (на своей возрастной вертикали) ситуацию своего функционирования как в обществе, так и в семье при изменении уровня и характера положения в нем. Познание новой ситуации и характера развертывания отношений пожилых людей, в частности и прежде всего в семье, приобретает большое значение уже в силу потенциала их возможного положительного воздействия на отношения с младшими поколениями и сохранения действенной активности самих пожилых людей.

При анализе *отношений пожилого человека с окружением* авторы данной статьи приняли за основу **субъектный подход**, который в современной российской психологии давно уже стал одним из самых востребованных и широко применяется в различных ее областях (психология развития, психология образования, исследования профессионального становления личности и т. д.). С. Л. Рубинштейн как основоположник субъектного подхода начинал создание его основ с пересмотра упрощенных и идеологизированных трактовок положения о личности как совокупности общественных отношений. Для С. Л. Рубинштейна *общественные отношения* представляли собой *широчайший спектр*